

Альберт Н. Ширяев

Е.Д.: Расскажите про Комаровку. Я знаю что Вы там устроили музей.

А. Ш.: Это всё делается за мои деньги. Комаровка приведена в порядок. Есть комнаты Колмогорова, Александрова –это мемориальная часть. Есть библиотека, столовая. И это все в полной сохранности.

Совсем недавно, после моих огромных усилий, министерство культуры объявило это дом национальной исторической ценностью федерального или областного значения. Мне это очень важно с точки зрения охранной грамоты. Там большая земля. Новые русские наступают. Мы не вечные. Я должен думать о будущем. Разрешение сейчас получено. На это я затратил очень много сил, потому что надо было собрать соответствующие бумаги: фотографии, описание, историю. Этот дом был объявлен как дом исторического значения где была устроена Алексеевым – отцом Станиславского - первая Елисаветинская больница для проходящихб и как Дом Колмогорова и Александрова.

Е.Д.: Колмогоров и Александров купили его?

А. Ш.: Они купили его.

Е.Д.: И выплачивали сразу, по моему.

А. Ш.: Они выплачивали очень долго и кончили платить только в пятидесятых годах.

Е.Д.: Они не были особо богатыми людьми.

А. Ш.: Андрей Николаевич в конце своей жизни, я могу точно сказать, получал чистыми 340 рублей как академик и 430 рублей как профессор университета. Больше у него доходов не было. На одну сиделку приходилось платить видимо-невидимо. Я Анне Дмитриевне говорю: «У Андрея Николаевича есть валютные деньги, так что, возьмем чтобы купить ему фрукты?» А она говорит: «У меня нету денег».

Е.Д.: Он отдал свою Бальцановскую премию?

А. Ш.: Часть государство забрало. Он ходил к Микояну чтобы получить разрешение.

Е.Д.: На библиотеку?

А. Ш.: Да. И ему там оставили эпсилон.

Е.Д.: На библиотеку или себе?

А. Ш.: На библиотеку – разрешили истратить, а на себя - только эпсилон. Я из этих денег иногда покупал лекарства, но большую часть я покупал на свои деньги, потому что, чтобы взять эти деньги нужно было в министерстве финансов доказывать для чего они нужны. Когда обнаружился у него этот Паркинсонизм, надо было лекарство. В Америке в это время было это лекарство – Парлодел Бромокрептин. Его обнаружили совершенно случайно. Его изобрели для восстановления молока у женщин. Но центры мозга ответственные за Паркинсонизм и молоко – они рядом. Я это лекарство покупал, и оно никак не действовало.

Я как то раз прихожу, Андрей Николаевич и Анна Дмитриевна сидят грустные. Анна Дмитриевна говорит: «А вот есть такая Джуна...»

Е.Д.: Про Джуну я слышал. Ее все знают.

А. Ш.: Есть такая Джуна, которая вылечивает. Я Андрея Николаевича спрашиваю: «Вы что, в такое дело верите?» Он говорит: «Я верю в самовнушение». Я говорю: «Андрей Николаевич, а откуда Вы это узнали про Джуну?» А он говорит: «Написано в журнале «Техника молодежи».» Я говорю «Нет проблемы, потому что главный редактор этого журнала – Василий Захарченко – мой очень хороший знакомый по горнолыжной части. Он там был президентом горнолыжной федерации. Я ему позвонил. Он мне говорит: «Алик, берите ручку, карандаш и записывайте: Кутузовский проспект, дом такой-то, подъезд такой-то, код такой-, телефон такой-то».

Е.Д.: Ну и как?

А. Ш.: Я позвонил, с Джуной договорился и Андрея Николаевича привез. Она принимала в поликлинике Гос Плана около Белорусского вокзала. Она положила Андрея Николаевича на топчан, наложили ему датчики. Там была система «Биоскрипт». Она говорит: «Я хочу посмотреть реагирует он на меня или нет.» Она села у его ног и стала разговаривать и водить рукой. Она спрашивает: «Вы сейчас чтонибудь чувствуете?» Он говорит: «Пощипывания как от электрических разрядов.» И действительно эти амплитуды на системах скакали. Мы решили что он реагирует и что мы продолжим. Когда мы уходили, мы в дверях встретились с Глушковым. Я Глушкова знал и мы поговорили. Я думал что он пришел ее обследовать, потому что компания была против нее большая о том что знахарство – это не научные методы. А оказывается у него был рак и он искал последнюю возможность. Он скоро умер. Потом мы к ней так и не попали.

Я узнал что у нее был Пантекорво. Я знаю сына Пантекорво, по горнолыжной линии. Я звоню Джиллю, и говорю: «Джилль, я хочу узнать, был ли твой папа у Джуны? Каков результат?» Он говорит: «Папа здесь. Поговори с ним.» Начинаю говорить с Пантекорво и спрашиваю: «Вы были у Джуны?» Он мне так и не сказал. Он все время говорил: «Вы понимаете, я как естествоиспытатель...», но потом сказал: «Я недавно получил трактат от института по Паркинсонизму из США от моих друзей физиков и он оказался очень полезным.» Он мне его прислал. Я стал читать и обнаружил что жирным шрифтом было выделено что при приеме Бромокриптина ни в коем случае нельзя принимать витамин Б12 или Б6. Я пришел к Андрею Николаевичу и говорю: «А что Вы пьете из витаминов?» Ему выписали в этой академической поликлинике «Ундевит», «Гиндивит» и там этого витамина было видимо-невидимо. Мы убрали эти витамины, и тогда у него кончился тремор, перестала идти слюна, и лекарство стало действовать. Поэтому к Джуне идти было бессмысленно.

Е.Д.: Да.

А. Ш.: Когда Андрей Николаевич совсем был плох, просто дико похудел, он был в Комаровке. Я с ним был и мне стало ясно, что он кончается. Я решил что если он умрет, то пусть это будет в Кремлевской больнице. Написал я всякие бумаги за подписью президента и академии, но ничего не действовало. Всё зависело от Чазова. Чазов был министром здравоохранения. Я попросил Кадомцева: «Позвоните Чазову. Организуйте мне встречу». И он позвонил. Я пришел к Чазову. Он на меня начал кричать о том что они выдали много денег и в больнице академии наук лечение хорошее. А я ему говорю: «Вы знаете, я был в люксе и вот там шторы висят. Это не шторы, а простыни залитые йодом». Другой человек может быть так ему не сказал бы. Он выдал разрешение чтоб поместить Колмогорова в Кремлевку.

Я приехал к Андрею Николаевичу. У него пневмония началась. Я говорю: «Вас надо поместить туда». «Почему?» «Потому что у Вас пневмония». И он вдруг говорит «Я не поеду». Это была проблема потому что номер готов, машина готова. Через несколько дней он сказал что он поедет.

Е.Д.: Он там умер? Где он умер?

А. Ш.: В Кремлевской больнице.

Он говорил очень плохо. За несколько часов до смерти я привез Анну Дмитриевну. Он лежал, она сидела, и он начал говорить про их жизнь. Причем совершенно четко. Я вышел. Я не мог этого вынести. Потом я просто наблюдал как на осциллографе была кривая, которая переходила почти в прямую. Вот так это произошло.

Е.Д.: Сколько времени его болезнь продолжалась?

А. Ш.: Лет 10 – 12, но с перерывами. Это началось после удара дверью. Там было две двери и когда был ветер, его первая дверь и ударила.

Е.Д.: Это был какой год примерно?

А. Ш.: Это был 1975. Надо было сделать томографию. Томографов в это время в Москве было только два: один в Кремлевке, а второй в институте Бурденко. В Кремлевку не попадешь. Потом мне кто-то сказал, что Израиль Моисеевич ведет активную деятельность с институтом Бурденко. Я позвонил ему и сказал: «Нельзя ли устроить томографию?» А он говорит: «Вы должны понимать что все люди смертны». И все. Что можно сказать? Я повесил трубку. Потом выясняю кто директор – Коновалов Александр Николаевич. Я его учил кататься на горных лыжах. Я звоню ему и говорю: «Шура, а где ты работаешь?» Он говорит: «В институте Бурденко». «А ты кто там?» «Я директор». Тут я и говорю что мне нужно то-то, то-то. Он говорит: «В чем дело, приезжайте завтра». Мы приехали, сделали все. Никаких механических повреждений не было.

Е.Д.: Какое это отношение к Паркинсону имеет? Вообще, я не знаю откуда берется Паркинсон.

А. Ш.: Никто наверно не знает. Как-то это вдруг у Андрея Николаевича вдруг наступило.

Е.Д.: Какие были симптомы этого? Дрожание?

А. Ш.: Дрожание началось и слюноотделение.

Е.Д.: Замутнение сознания при этой болезни тоже происходит?

А. Ш.: Нет. Это поразительная вещь потому что, скажем, он диктовал текст для конгресса Бернули, в Ташкенте дня 2 – 3 мне и Тихомирову по каким-то отдельным фразам. Когда потом все это сложили вместе получился абсолютно логичный текст. В это время Марутян снимал фильм про Колмогорова. Когда Морутян стал говорить Андрею Николаевичу, что «вот вы говорили там-то, так-то», Андрей Николаевич говорил: «Я так не говорил. Я говорил вот так».

Transcript completed by Mariya Boyko.